

Т О М Б А Т Л Е Р - Б О У Д О Н

ВЕЛИКИХ КНИГ ПО ФИЛОСОФИИ

КЛАССИКИ И СОВРЕМЕННОСТИ – ПОД ОДНОЙ ОБЛОЖКОЙ

АРИСТОТЕЛЬ • КОНФУЦИЙ • ПЛАТОН • РЕНЕ ДЕКАРТ
ИММАНУИЛ КАНТ • СЕРЕН КЬЕРКЕГОР • ГОТФРИД ЛЕЙБНИЦ
ДЭВИД ЮМ • ФРИДРИХ НИЦШЕ • БАРУХ СПИНОЗА • АРТУР
ШОПЕНГАУЭР • ЖАН-ПОЛЬ САРТР • БЕРТРАН РАССЕЛ И ДРУГИЕ

**УНИКАЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОЗНАКОМИТЬСЯ
С РАБОТАМИ ЗНАМЕНИТЫХ ФИЛОСОФОВ ЗА ОДИН ДЕНЬ**

Психология. Антология мысли

Том Батлер-Боудон

50 великих книг по философии

«ЭКСМО»

2013

УДК 159.992.1
ББК 86.42

Батлер-Боудон Т.

50 великих книг по философии / Т. Батлер-Боудон — «Эксмо»,
2013 — (Психология. Антология мысли)

ISBN 978-5-04-173738-2

Уникальная возможность всего за один день познакомиться с выдающимися философскими трудами – от античных времен до современности. Сложные взгляды по целому ряду важных и вечных вопросов теперь доступны широкому кругу читателей. В книге кратко, но с замечательной ясностью объясняются и обсуждаются идеи пятидесяти великих философов: Аристотеля, Платона, Конфуция, Р. Декарта, И. Канта, Б. Спинозы, Д. Юма, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, Ж.П. Сартра, Ж.Ж. Руссо и др. Автор уделяет внимание и работам мыслителей наших дней, в том числе – Н.Н. Талеба, Н. Хомски, Г. Франкфурта, М. Сэндела. Ознакомившись с самыми важными моментами 50 великих книг по философии, при желании вы сможете изучить заинтересовавшие вас работы более глубоко. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.992.1
ББК 86.42

ISBN 978-5-04-173738-2

© Батлер-Боудон Т., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Что и почему вошло в эту книгу	7
Введение	8
Мышление: границы наших знаний и чувство собственного «я»	11
Бытие: возможности для счастливой и осмысленной жизни, свободы воли и независимости	13
Действие: сила и ее использование, свобода и справедливость, честность и этика	15
Видение: пещера Платона и истина, философия как проблема языка и жизнь в медийном мире	18
Заключительное слово	21
50 великих книг по философии	22
Состояние человека	22
Глава 1	22
Чудо рождения и действия	22
Способность прощать и выполнение обещаний	23
Труд, работа и действие	24
Повторное открытие человеческого величия	24
Наше величие проявляется в любви	24
Заключительные комментарии	25
Никомахова этика	27
Глава 2	27
В чем заключается наша функция?	28
Достижение счастья	28
Действие и решение	29
Заключительный комментарий	30
Язык, истина и логика	32
Глава 3	32
Принцип подтверждения	32
Метафизика бессмысленна	33
Заключительные комментарии	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Том Батлер-Боудон

50 великих книг по философии

«В этой книге кратко, но с замечательной ясностью объясняются и обсуждаются идеи пятидесяти ведущих философов с древних времен до наших дней. Сложные взгляды по целому ряду важных и вечных вопросов стали доступны широкому кругу читателей. Каждый мыслитель получает внимательную оценку своих сочинений, включая главные концепции и видение мира и людей с новой, особой или необычной перспективы. Эта книга одновременно поучительна и приятна для чтения».

К.Л. Тен, профессор Сингапурского университета

Tom Butler-Bowdon

50 Philosophy Classics: Thinking, Being, Acting, Seeing: Profound Insights and Powerful Thinking from Fifty Key Books

Copyright © Tom ButlerBowdon 2013 This edition is published by arrangement with Nicholas Brealey Publishing and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского языка *Кирилла Савельева*

© Савельев К., перевод на русский язык, 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Что и почему вошло в эту книгу

Список из пятидесяти названий не претендует на полноту, но он дает представление о некоторых важнейших философских сочинениях – как древних, так и современных. Я бы с радостью включил в него философов со всего мира и из каждой эпохи, но эта книга предлагает лишь первоначальное знакомство с огромным философским наследием. В ее заключительной части вы найдете еще один список из пятидесяти классических трудов по философии, большинство из которых не вошло в основной текст только из-за ограниченного объема книги.

Я уделял меньше внимания обычным категориям, философским школам, периодам, «-логиям» и «-измам», чем это принято в ознакомительных или научных работах. Вместо этого я предлагаю *руководство по философии для обычных здравомыслящих людей*. Моей задачей было не обучение, а просвещение. Тем не менее, поскольку любая прикладная философия имеет свой язык и терминологию, в конце книги находится толковый словарь распространенных терминов.

Хотя большинство авторов, включенных в эту книгу, являются профессиональными философами, этот предмет слишком важен – поэтому я, не ограничиваясь научными трудами, также включил в текст размышления психолога, трейдера хедж-фонда, журналиста и некоторых других людей.

На самом деле философия как официальный раздел академической науки имеет довольно короткую историю. Эпикур основал свою школу в саду рядом с домом в Афинах, и в наши дни члены философских клубов по всему миру встречаются в пабах и обычных квартирах. Философия – это *живая вещь*, и ее вопросы будут оставаться в центре человеческого бытия. Поэтому наряду с многими неоспоримо великими философскими именами в список из пятидесяти книг вошли некоторые современные работы, которые не являются подлинной классикой, но содержат ценные и глубокие идеи.

Отсутствие хронологического порядка и классификации по разделам философии может показаться странным, однако, представляя книгу в таком виде, я не навязываю вам какие-либо категории и надеюсь, что вы установите собственные связи между идеями, книгами, людьми и эпохами. Вы можете выбрать комментарии, которые кажутся наиболее интересными, и читать их. Но вы также можете обнаружить, что чтение книги от начала до конца даст вам ощущение путешествия, наполненного неожиданными открытиями.

Введение

Философия одновременно является наиболее возвышенным и наиболее тривиальным из человеческих занятий. Она вникает в мельчайшие подробности и раскрывает широчайшие горизонты. Как было сказано, «философия не печет хлеб», но она может вдохновить нас и наполнить мужеством, хотя ее манеры, с проблемами и сомнениями, софизмами и диалектикой, часто бывают отвратительны для обычных людей. Никто из нас не может обойтись без мощных лучей света, которые она проливает на судьбы нашего мира.

Уильям Джеймс. «Прагматизм»

Слово «философия» происходит от греческого *philo* — «любовь» и *sophia* — «мудрость». В качестве дисциплины, или системы личных взглядов, философия связана с желанием мыслить, существовать, видеть и действовать наилучшим образом, проникая в суть вещей.

Оксфордский словарь английского языка определяет философию как «использование рассудка и его аргументов в поисках истины и знания действительности, особенно причин и природы вещей и принципов, управляющих бытием, материальной вселенной, восприятием физических явлений и человеческим поведением». Иными словами, философия — это *мышление высокого уровня*, определяющее подлинность или реальность вещей с учетом ограниченности человеческих мыслей и чувств, и их влияние на наши поступки.

Хотя философия имеет многочисленные ответвления, сосредоточенность на реальных знаниях, вероятно, является ее наиболее характерной чертой. Постоянное сомнение в собственных предпосылках раздражало многих людей, даже философов («Философы поднимают пыль, а потом жалуются, что ничего не видят», — однажды сказал Джордж Беркли), однако в нашу эпоху по мере усиления крайностей и неопределенностей сосредоточенность философии на известном вступает в свои права. Как отмечает Нассим Николас Талеб в книге «*Черный лебедь*»: «Значение имеет как раз то, чего мы не знаем, так как непредвиденное всегда изменяет мир на личном и общественном уровне».

Наверное, главный водораздел в философии проходит между теми, кто считает, что вся получаемая нами информация исходит от органов чувств (эмпирическое, или материалистическое, мировоззрение), и теми, кто полагает, что к истине можно прийти благодаря абстрактному мышлению (рационалисты и идеалисты).

Первый лагерь имеет долгую историю, от скептика II века до н. э. Секста Эмпирика через англичанина Фрэнсиса Бэкона и шотландского мыслителя эпохи Просвещения Дэвида Юма до логических позитивистов XX века, включая А. Дж. Айера и философа науки Карла Поппера.

Ко второму лагерю относится Платон со своей теорией нематериальных форм, образующих ткань Вселенной; Декарт, с его знаменитым разделением разума и материи; и Кант, который возродил идею «нравственного закона» в современной философии.

Цель этой книги заключается не в том, чтобы объяснить, «кто прав», а в том, чтобы представить некоторые идеи и помочь вам прийти к собственным выводам.

Согласно замечанию Уильяма Джеймса в его трактате «*Прагматизм*», философы хотят верить, что они строят точные и беспристрастные системы, объясняющие человеческие поступки и устройство Вселенной, хотя на самом деле философские теории являются выражением личных взглядов и предубеждений. Философию создают философы — несовершенные люди, предлагающие свои варианты истины. Но именно это делает ее интересной. Поэтому наряду с описанием некоторых главных философских теорий я также попытался дать представление о людях, которые изобрели их. До какой степени их учения были проекцией их собственного разума, или они действительно проникли в суть каких-то глобальных принципов?

Поскольку я уже написал несколько книг о классических сочинениях в области психологии, духовности и личного развития, наиболее важный вопрос для меня состоял в том, что нового приносит философия по сравнению с этими областями знания. Психология имеет экспериментальную методологию, и поэтому многие считают ее более надежной дисциплиной, когда речь идет о простых человеческих вопросах. Однако, как заметил Витгенштейн в книге *«Философские исследования»*, научному методу иногда не хватает концептуальной глубины.

Что такое реальность? Что значит быть человеком? В чем смысл жизни? По утверждению Ницше, философия – это единственная настоящая «мета-дисциплина», рассматривающая все эти вопросы в совокупности. Хотя можно сказать, что теология и духовность предназначены для ответа на такие вопросы, они лишены нейтральности, которая необходима для настоящей дисциплины, открытой для широкого круга начинающих.

Философия сосредоточена на объективности и природе сознания.

Это не значит, что философия является наукой. Бертран Рассел отметил, что задача науки состоит в сборе и изучении фактов, в то время как задача философии – установить надежные концепции и законы, с помощью которых можно рассматривать науку. Вместо представления о науке, включающей в себя философию (высказанного физиком Стивеном Хоукингом), я склонен считать, что философия помогает нам вписывать первичную информацию и научные теории в более широкий контекст.

В конце концов, наука – это абсолютно человеческое занятие, и если она является попыткой согласовать наш теории с природой, то сначала нам нужно понять свою *человеческую природу*. Для того чтобы понять, что мы видим, мы должны понимать устройство линз, через которые мы смотрим, то есть наш взгляд на мир.

К примеру, мы знаем, что старое ньютоновское представление о Вселенной, основанное на веществе, больше не соответствует странной текучей реальности, существование которой предполагает квантовая физика.

Философия хорошо оснащена для рассмотрения таких неопределенностей, поскольку она сосредоточена на объективности и природе сознания.

В XX веке физику-экспериментатору Дэвиду Бому пришлось обратиться к философии, чтобы объяснить движение электронов под микроскопом. Он пришел к выводу, что не может объяснить мир в терминах разума, который смотрит на вещество; скорее сознание было как минимум таким же важным элементом в устройстве Вселенной, как и само вещество.

В этой книге я постараюсь подробнее рассмотреть эти и другие увлекательные вопросы.

Помимо главного смыслового значения, о котором упоминалось выше, Оксфордский словарь английского языка определяет философию как *«личное правило жизни»*. Все мы имеем такую философию, и она влияет на все, что мы делаем. Наш взгляд на мир обычно является самой важной и интересной частью нашей личности, отражающей «наше более или менее смутное представление о том, что такое жизнь в самом глубоком и честном понимании этого слова», как написал Уильям Джеймс в своем трактате *«Прагматизм»*. В отличие от возвышенных академических рассуждений, наша философия практична, и без нее мы были бы практически беспомощны.

Как писал Г.К. Честертон:

«Для домохозяйки важно знать доход постояльца, но еще важнее знать его философию... Для генерала перед сражением важно знать численные характеристики врага, но еще важнее знать его философию... Вопрос не в том, влияет ли теория на наши дела, но – в конечном итоге – влияет ли на них что-то еще».

Разумеется, есть разница между личной философией и философией как дисциплиной. Одна из задач книги – навести мосты между этими двумя концепциями. Она не о том, что

значит или утверждает какая-то философская система сама по себе, но о том, что эта система может означать для меня или для вас – независимо от того, может ли она улучшить качество нашей жизни, повлиять на наши поступки и пролить свет на наше место во Вселенной.

Будь то Аристотель или Эпикур, предлагающие рецепты счастливой и полноценной жизни, либо Платон с его определением совершенного общества, идеи этих древних мыслителей сохраняют силу хотя бы потому, что люди мало изменились за последние две тысячи лет. Философия жизнеспособна, потому что масштабные вопросы никуда не уходят, а она предлагает готовые концепции для обращения к этим вопросам. Сила философии в том, что, несмотря на отсутствие объективности, она все равно может посылать «мощные лучи» в окружающий мир, позволяя нам видеть вещи в новом свете.

Философия не только дает основу для рассмотрения всех остальных знаний. На более личном уровне она предлагает нам смелые и часто революционные способы мышления, бытия и действия.

Мышление: границы наших знаний и чувство собственного «я»

Философия в первую очередь связана с мышлением. С учетом человеческой склонности к ошибочным оценкам это часто означает сомнение в основах нашего знания. Декарт наглядно продемонстрировал, как легко разум может быть введен в заблуждение информацией, полученной от органов чувств. На этом основании он задался вопросом, как можно сказать о чем-либо, что оно существует на самом деле. Но именно такая позиция крайнего сомнения во всем привела его к прорыву: если он мог обманываться в своих суждениях, то несомненно обладал собственным «я», которое поддавалось на обман. Он написал:

«Таким образом, я пришел к выводу, что являюсь субстанцией, сущность или природа которой состоит в мышлении и которая не нуждается в каком-либо материальном месте или времени для своего существования».

Даже если мы постоянно обманываемся в том, что принимаем за факты, нельзя усомниться в реальности нашего восприятия. Мы в первую очередь являемся мыслящими существами. Сознание – это наша сущность, и мы осознаем главным образом самих себя: то, о чем мы думаем, что мы делаем, что мы знаем и будем делать дальше. По выражению Декарта, «я мыслю, следовательно, я существую».

Дэвид Юм и Джон Локк считали, что единственное знание, которому мы можем доверять, исходит непосредственно от наших чувств. Юм сделал следующий шаг, предположив, что человеческие существа представляют собой лишь сочетание мыслей, чувств и впечатлений, которое в любое время дает ощущение «самости», даже если у нее нет цельного ядра. Вместо обладателей бессмертной души мы предстаем в виде постоянно движущегося клубка мыслей, эмоций и ощущений, а знание и определенность остаются неуловимыми понятиями.

Современный философ Джулиан Баджини поддерживает теорию Юма, опираясь на неврологию и показывая, что наше самоощущение нельзя сопоставить с какой-либо отдельной частью мозга или нервной системы. Взаимодействие множества частей создает впечатление отдельной личности, обладающей свободой воли. Это может быть грандиозный «трюк сознания» или иллюзия, но это делает жизнь более терпимой.

Философия ассоциируется с познанием себя, но еще одна мыслительница – Айрис Мердок – тоже усомнилась в идее о существовании некоей внутренней сущности человека, которую он должен открыть в себе. В книге «Суверенность блага» она пишет:

«Самопознание в смысле досконального понимания собственной внутренней механики, на мой взгляд, обычно является иллюзией, если не считать самого простого уровня... Беспристрастно смотреть на себя так же трудно, как и на другие вещи. Когда мы начинаем ясно видеть, собственное «я» становится незначительным и малоинтересным объектом».

С другой стороны, по словам Мердок, отсутствие внутренней цельности не должно удерживать нас от стремления к самосовершенствованию. Для нас естественно и правильно стремиться к совершенству, даже если мы страдаем от недостатков восприятия и нехватки мужества.

В своих эссе Мишель Монтень провел глубокий анализ собственной личности, пользуясь своими слабостями и предрассудками как материалом для исследования, и пришел к выводу, что внутреннее «я» является загадкой: человеческое знание так ограничено, что мы почти ничего не знаем о самих себе, не говоря уж о мире в целом. *Мы постоянно думаем и считаем*

себя рациональными людьми, но на самом деле мы представляем собой массу предрассудков, софизмов и тщеславных побуждений.

Человеческая подверженность ошибкам дает богатое поле для исследований. Некоторые современные авторы уделяют этой теме особое внимание.

Даниэль Канеман получил Нобелевскую премию за свою работу о погрешностях и ошибках нашего повседневного мышления. В книге *«Думать быстро и медленно»* он утверждает, что у нас есть встроенный «механизм для поспешных выводов», настроенный на инстинкт выживания и реакцию на угрозы, а не на точное восприятие.

Николас Нассим Талеб продолжает эту тему. По его словам, мы считаем, что лучше понимаем происходящее в мире, чем это происходит на самом деле; мы ошибочно приписываем некий смысл уже случившимся событиям, создавая мифы. Мы склонны к переоценке фактов, статистических данных и категорий, которая позволяет нам чувствовать себя комфортно и считать, что мы можем предсказывать будущее. Наше потрясение при неожиданных событиях показывает, насколько иллюзорным является ощущение контроля над ситуацией.

Однако мы не стали бы совершать половину тех вещей, которые мы делаем, если бы имели более точное представление, чего мы можем достигнуть за определенный срок. Если смотреть на вещи таким образом, ошибка является не человеческим дефектом, а неизбежной частью нашего движения по пути к успеху.

Действительно, как отмечает Канеман, внимание к человеческим ошибкам «не принижает человеческий разум точно так же, как внимание к болезням в медицинских текстах не отрицает крепкое здоровье. Большинство из нас обычно здоровы, и наши суждения и поступки по большей части вполне обоснованны».

Даже завзятый эмпирик Карл Поппер, который тоже не доверял чувствам и предложил чрезвычайно высокий стандарт для принятия любой научной истины, соглашался с тем, что человек имеет право строить теории о законах, которые могут управлять Вселенной. Физиологически мы можем быть склонны к частым ошибкам и заблуждениям, но наша способность мыслить логично – или, если воспользоваться более старым определением, доверять голосу рассудка – делает нас уникальными представителями животного мира.

Бытие: возможности для счастливой и осмысленной жизни, свободы воли и независимости

Философы с древних времен полагали, что счастья можно достичь, если отступить от своего «я», либо посвятить себя важной цели или работе, либо ослабить путы эгоизма, обратившись к природе, любви или духовному самосовершенствованию.

Для Эпикура добродетелью была приятная и счастливая жизнь, так как правильные поступки естественным образом приносят душевное спокойствие. Вместо того чтобы мучиться мыслями о последствиях наших дурных поступков, мы вольны наслаждаться простой жизнью, где есть друзья, философия, природа и повседневные удобства.

Аристотель полагал, что счастье происходит от занятий, которые мы рационально считаем благом для нас в долгосрочной перспективе, таких как служение обществу. Все в природе имеет некую цель, но людям свойственна неповторимая способность действовать в соответствии с доводами рассудка и усвоенными ценностями. Счастливый человек – тот, кто обрел надежную опору в своей добродетели и не обращает внимания на превратности судьбы. «Дела, продиктованные добродетельностью, открывают путь к счастью», – сказал Аристотель. Таким образом, *счастье – это не удовольствие, а побочный продукт осмысленной жизни*, а смысл появляется в результате усилий и самодисциплины.

Бертран Рассел говорит почти о том же в своей очень личной книге *«Завоевание счастья»*. «Наши усилия в еще большей степени, чем реальный успех, являются необходимым ингредиентом счастья», – писал он. Человек, без усилий способный удовлетворить любую прихоть, чувствует, что исполнение желаний не приносит счастья. Сосредоточенность на себе становится причиной несчастья, а радость приходит от направления наших интересов вовне и погружения в жизнь вокруг нас.

Вольтер высмеивал Лейбница за предположение, что мы живем в «лучшем из возможных миров», но подлинный смысл его слов был более глубоким. Лучший из возможных миров – не тот, который специально предназначен для человеческого счастья. Люди руководствуются собственными интересами и не осознают более общую картину всего, что происходит вокруг. Мы рассматриваем вещи в контексте причин и следствий, но наша оценка взаимоотношений между ними естественным образом ограничена. Лишь высшее существо имеет общее представление о взаимосвязи вещей, говорил Лейбниц, и нам нужно верить в благожелательность его намерений. Мир, в котором мы живем, является лучшим из возможных, даже если кажется, что в нем много зла, так как «частичное несовершенство может требоваться для большего совершенства целого».

Философы с древних времен полагали, что счастья можно достичь, если отступить от своего «я».

Но как быть, если вы считаете, что Вселенная не имеет цели или смысла, как это делали экзистенциалисты? Ответ Сартра заключался в «аутентичной жизни», то есть в способности выбирать *свою судьбу* вместо того, чтобы слепо принимать правила или нравственные нормы современного общества.

Он писал: «Человек обречен быть свободным; однажды выброшенный в мир, он несет ответственность за все, что он делает». На этой малообещающей предпосылке он выстроил философию свободы, не зависящей от любого бога, привлекающую интерес целого поколения людей, стремившихся жить по-своему.

Такая точка зрения предполагает, что мы являемся независимыми существами, наделенными свободой воли... но так ли это на самом деле?

Спиноза, Шопенгауэр и Монтень наряду с другими мыслителями утверждали, что мы подвержены причинно-следственным законам и действиям высших сил, о которых мы имеем лишь смутное представление.

В «Свободе воли» Сэм Харрис сообщает об исследованиях, указывающих на то, что свобода воли является иллюзией. Наши поступки – это результат нейрофизиологических состояний, которые сами по себе возникают в результате предыдущих процессов, а они, в свою очередь, создаются Вселенной, над которой мы не имеем никакой власти.

Мы лишь полагаем, будто наделены свободой воли, потому что наш мозг настроен на создание этой счастливой иллюзии. Что же нам остается? Главная мысль Харриса состоит в том, что независимо от их источника у нас все же имеются *осознанные намерения* и мы посвящаем жизнь их осуществлению. Это и есть «смысл жизни» на чисто рациональном или научном уровне.

Хайдеггер утверждал, что мы не можем найти смысл нашего существования. Я люблю, я действую, я имею значение – это природа моего бытия. Помимо этого остается поразительный факт обладания сознанием. Почему я обладаю таким высокоразвитым сознанием, а овца или камень не имеют его? По словам Хайдеггера, человек попадает в мир (в определенное место и время) не по своему выбору, и жизнь заключается в том, чтобы *найти смысл этого «падения» в реальность*.

Мы чувствуем обязанность что-то сделать с нашей жизнью; к счастью, мы наделены способностью говорить и действовать, что дает нам возможность открывать новое о самих себе. Хорошо прожитая жизнь – та, в которой мы пользуемся имеющимися возможностями и чего-то достигаем. Благодаря богатому исходному материалу – нашему сознанию и окружающей среде – жизнь изначально наделена смыслом.

Ханна Арендт отметила: хотя природа может представлять собой неотвратимый процесс жизни и смерти, человеку был дан выход из этого цикла благодаря его способности к действию. «Хотя люди должны умереть, они рождаются не для того, чтобы умирать, а для того, чтобы начинать новые дела», – написала она в книге «Состояние человека».

Другие животные могут действовать лишь в соответствии с запрограммированными побуждениями и инстинктом выживания, но люди могут выходить за пределы своих биологических потребностей и создавать новые вещи, ценность которых получает общественное признание. Наши поступки не бывают полностью предсказуемыми, и каждое рождение несет в себе возможность изменить мир. Короче говоря, мы имеем значение.

Действие: сила и ее использование, свобода и справедливость, честность и этика

Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом.

И. Кант

«Категорический императив» Канта гласит, что индивидуальные поступки следует судить в соответствии с тем, будем ли мы довольны, если все остальные будут поступать так же. Людей нельзя рассматривать как средство для достижения цели. Хотя этот принцип проповедуется всеми религиями и напоминает «золотое правило» («Поступай с другими так же, как хочешь, чтобы они поступали с тобой»), Кант решил продемонстрировать, что он также имеет рациональный и философский смысл. Нравственный закон так же неизменен, как звезды в небе, считал он, и, поступая против него, мы обречены на несчастья и разочарования. Поступая правильно, мы создаем для себя мир спокойствия и порядка.

Римский оратор Цицерон полагал, что каждый человек является искрой, или частицей Бога, поэтому плохо относиться к другому человеку значит делать то же самое для себя. Для него это был простой факт, составляющий часть всеобщего закона. Мы – общественные существа, призванные заботиться друг о друге, и цель жизни заключается в том, чтобы «содействовать общему благу, обмениваясь добрыми делами, отдавая и получая, и таким образом благодаря умению и таланту делать общество более сплоченным».

Цицерон дискредитировал идею о том, что человек иногда должен приносить в жертву «правильные поступки» ради целесообразности. В трактате «Об обязанностях» он написал: «То, что правильно, всегда целесообразно».

Платон считал, что награда заключается в самом правильном поступке, так как он приводит к гармонии трех частей нашей души (рассудка, духа и желания). Справедливые поступки – не дополнительная возможность, которую можно использовать по своему усмотрению, но ось, вокруг которой вращается бытие человека; жизнь бессмысленна в отсутствие благонамеренных поступков. И хотя справедливость абсолютно необходима для человека, она также является залогом здоровья и душевного спокойствия, о чем он говорил в трактате «Республика».

За несколько столетий до этого в Китае Конфуций высказывал во многом сходные мысли. Он отмечал, что хотя все мы являемся людьми, человек становится настоящей личностью, когда бескорыстно выполняет ответственную роль в обществе. Благородный человек ценит добродетель превыше всего остального, всегда стремится к лучшему итогу для всех и не ищет собственной выгоды. В конце концов, все мы – лишь одно из звеньев в цепи бытия, которая тянется в прошлое и будущее.

В сочинении «Жизнь, которую вы можете спасти» современный философ Питер Сингер цитирует Эпикура: «Нельзя жить сладко, не живя разумно, хорошо и праведно». Хорошая жизнь – это не просто крепкое здоровье, собственный дом, новый автомобиль и отпуск на море, но и размышления о том, что можно сделать, чтобы мир стал более справедливым. Рациональный призыв Сингера к личному вкладу в борьбу с мировой бедностью – напоминание о том, каким мощным орудием философия может быть в реальном мире.

Эту утилитарную точку зрения можно проследить до философа XIX века Иеремии Бен-тама, который всю жизнь исповедовал принцип «величайшего счастья для наибольшего количества людей». Бентам хотел узаконить счастье как состояние бытия, что было радикальной идеей, так как в его эпоху законы были направлены на защиту высших слоев общества, а не на достижение блага для всех людей. Он вел неравную борьбу, однако продолжал страстно

верить, что утилитаризм дает лучшую надежду на построение справедливого и цивилизованного общества.

В своем знаковом сочинении *«Теория справедливости»* Джон Ролз предлагает нам представить, что все утратили память о своем месте и положении в обществе, а потом взялись за построение нового общества, основанного на максимальных возможностях для процветания каждого человека.

С учетом того что в жизненной лотерее мы с равным успехом можем родиться королем или нищим, не следует ли нам приложить все силы к тому, чтобы каждый имел по меньшей мере равные возможности для достижения успеха? Имущественное или общественное неравенство должно возникать лишь там, где есть свободная конкуренция за награды или признание. Не нужно приносить жертвы ради некоего «высшего блага», как в утилитаризме, и люди будут мириться с имущественным и общественным неравенством до тех пор, пока они знают, что они сами или их дети имели равные возможности для достижения цели.

Философия Ролза находится в русле той же традиции, что и философия Руссо, который считал, что свободное общество возвышает и облагораживает своих граждан, но также подразумевает обязанности и готовность поступаться частью личных свобод ради общих потребностей.

Нестареющее обоснование индивидуальной свободы Джона Стюарта Милля, изложенное в его сочинении *«О свободе»*, содержит знаменитый критерий «не навреди» для обеспечения свободы: «Единственная цель, ради которой власть может быть по праву применена к любому члену цивилизованного общества против его воли, – это предотвращение вреда для других людей».

Правительство не должно вводить закон только потому, что он считается полезным ради «собственного блага» людей. Напротив, если действия гражданина не причиняют явного ущерба другим людям, они считаются допустимыми. Милль отметил тенденцию к усилению власти правительства и ограничению личных свобод при отсутствии внешнего контроля и сдерживающих факторов. Однако этот факт не означает, что правительства вообще не имеют законной власти.

Каким же тогда должно быть правильное равновесие между личной свободой и необходимостью государственного контроля? Милль назвал это «вопросом будущего», и мы действительно по-прежнему решаем его.

В *«Республике»* Платон утверждает, что мы должны довольствоваться ограниченной свободой и принимать свое место в обществе с учетом такой альтернативы, как изгнание или жизнь вне закона. Проблема, как с жестокой прямоотой указал Макиавелли в своем сочинении *«Государь»*, заключается в том, что средний гражданин просто не понимает, каких усилий стоит управление могущественным государством, и продолжает вести «нравственную жизнь», в то время как правителям приходится принимать «грязные» решения.

Трактат *«Государь»*, который с давних пор рассматривался как источник вдохновения для тиранов, на самом деле опирается на аргументированную защиту власти. Она предназначена не для самовозвеличивания правителя, но для силы государства, а мощное государство является желанной целью, так как оно позволяет людям преуспевать и богатеть. С учетом этой цели неблагоприятные средства иногда могут быть оправданными.

Ноам Хомски, вечная заноза в боку у благодушных западных либералов, разделяет сходные представления о власти. По его мнению, большинство современных государств обслуживают властные интересы, и реальным противником власть предержащих является их собственное население; большинство войн предназначено для того, чтобы отвлечь внимание от внутренних проблем.

Хотя он говорит в основном о США, его послание о коррумпированной природе власти адресовано всем. Тем не менее он отмечает причины для оптимизма. В наши дни стало менее

приемлемо относиться к людям как к предметам или средствам для достижения цели («Рабство еще недавно считалось абсолютно нормальным явлением», – пишет он), и даже если властные структуры уделяют мало внимания свободе, самоопределению и правам человека, эти понятия по крайней мере признаются в качестве идеалов.

Возможно, последнее слово в дискуссии о нравственности и власти должно принадлежать Айрис Мердок, которая говорит в книге *«Суверенность блага»*, что если мы с самого начала стремимся к добру, то все остальное придет естественным образом. С другой стороны, если стремиться только к утверждению своей воли, то это все, что мы в конце концов получим. Как и предполагал Кант, добрые намерения определяют все остальное.

Видение: пещера Платона и истина, философия как проблема языка и жизнь в медийном мире

Платоновская аллегория пещеры – один из самых знаменитых философских пассажей. Он по-прежнему находит отклик из-за волнующего предположения о том, что большинство из нас всю жизнь гоняются за тенями и внешним видом вещей, в то время как существуют «вечные формы» Истины, Справедливости, Красоты и Добра, ожидающие открытия.

Кант тоже считал, что люди, существующие в пространстве и времени, при всей ограниченности своих чувств отрезаны от восприятия вещей в их подлинном виде, или «вещей в себе». Однако за пределами мира ощущений существует элементарная метафизическая истина; благодаря рассудку мы можем хотя бы приблизиться к ней.

Многие современные философы отрицали эти идеи, указывая на то, что мы являемся животными с головным мозгом, который воспринимает природные феномены и упорядочивает их определенным образом. Знание основано только на том, что проходит через органы чувств, а не на метафизическом озарении.

Наука – это способ улучшения нашей объективности. Однако Гегель считал объективный анализ иллюзией, так как вещи существуют только в контексте восприятия наблюдателя. Сознание является такой же частью науки, как мир объектов, который оно пытается анализировать. Для Гегеля реальная история науки заключается не в «открытии вселенной», а скорее в открытии нашего собственного разума, то есть сознания. История, наука и философия – лишь выражение постепенного пробуждения сознания.

Величественная холистическая идея Гегеля о пробуждении Духа, или сознания, в делах людей вышла из моды у философов, так как мировые войны и экономические депрессии явно противоречили идее о том, что история движется в позитивном направлении.

Как показал философ науки Томас Кун в *«Структуре научных революций»*, а также по замечанию Мишеля Фуко, знание не образует прямую восходящую линию, где каждое следующее открытие опирается на предыдущее. Скорее каждая эпоха имеет совершенно другие линзы, через которые она смотрит на мир, и что-то воспринимается как реальность лишь в том случае, если линзы позволяют видеть это.

Кто бы ни был прав в этом вопросе, любая оценка нашей способности к точному описанию мира должна учитывать языковую среду. В своей книге *«Философские исследования»* Витгенштейн признал ошибочность своего мнения, высказанного в предыдущем сочинении *«Логико-философский трактат»*, что язык является средством описания мира. Слова не просто служат названиями для вещей; они часто передают сложный смысл, и одно слово может иметь много смысловых значений.

Язык – это не формальная логика, обозначающая границы нашего мира, а социальная игра с довольно свободными правилами, которая вместе с обществом находится в процессе развития. По словам Витгенштейна, философские проблемы возникают лишь в том случае, когда философы рассматривают названия идей или концепций как дело первостепенной важности, в то время как фактически только их контекст имеет подлинное значение.

Платоновская аллегория пещеры – один из самых знаменитых философских пассажей.

По известному выражению Витгенштейна, философия – это постоянная битва против «зачарованности» языком как таковым. Это был выпад в сторону традиции аналитической философии (к представителям которой относились Бертран Рассел и А. Дж. Айер), которая рассматривала языковые злоупотребления как плодородную почву для множества бессмыслен-

ных метафизических рассуждений, в то время как здоровое использование языка могло дать более точную картину мира.

В книге *«Именованье и необходимость»* блестящий философ Сол Крипке продемонстрировал изъяны этой концепции и отметил, что смысл находится не в описаниях, а в изначальных свойствах. К примеру, личность – это просто личность, независимо от того, сколько слов используется для дополнительного описания, разоблачения или доказательства этой личности. Золото определяется не нашими описаниями, такими как «желтый блестящий металл», а его основополагающими свойствами (атомный элемент № 79).

От Платона до Канта и от Гегеля до Витгенштейна история философии пронизана одной идеей: мир – это не только наше восприятие или описание вещей. Независимо от того, пользуемся ли мы термином «формы», «вещи в себе» или «изначальные свойства», существует некая *основная реальность*, не очевидная для чувств.

Дэвид Бом – ведущий физик-теоретик, который стал философом; в своем сочинении *«Целостность и скрытый порядок»* он привел убедительные доводы в пользу существования двух порядков реальности, скрытого и явного. В то время как второй является «реальным миром», который мы можем воспринимать через органы чувств, это лишь развертывание более глубокой, «скрытой» реальности, которая содержит любые возможности. Оба порядка являются частями «голографического движения», текучей и целостной реальности. Это очень похоже на целостность Вселенной, о которой говорил Геркалит; только люди разделяют вещи на составные части и категории.

Историческая одержимость философии вопросами «что такое реальность?» и «что есть истина?» рассматривается некоторыми комментаторами как ложный маневр.

Жан Бодрийяр заявил, что в пресыщенном медийном мире, где мы теперь живем, понятие «реальность» вообще не имеет смысла. В гиперреальной Вселенной что-либо бывает реальным лишь в том случае, если оно может воспроизводиться или повторяться бесконечно, а того, чем нельзя поделиться электронным способом, просто не существует. Современный человек больше не является самостоятельной личностью в поисках истины, но скорее похож на механизм, который потребляет и воспроизводит идеи и образы.

На Бодрийяра повлиял Маршалл Маклюэн, который утверждал, что средства массовой информации и технологии связи не были нейтральными изобретениями, а фактически изменили наш образ жизни. До появления алфавита главным из пяти человеческих чувств был слух; после его изобретения пальма первенства перешла к зрению.

Алфавит заставляет нас думать последовательным образом – в форме конструкции предложений, с последовательной связью фактов или концепций. Новая медийная среда является многомерной, а информация от нее теперь поступает с такой скоростью и плотностью, что мы больше не можем как следует упорядочивать и осмысливать ее. На современных детей влияют не только их родители и учителя: они открыты всему миру.

Вот знаменитое выражение Маригалла Маклюэна:

«Мы живем в дивном новом мире сиюминутности. «Время» перестало существовать, «пространство» исчезло. Теперь мы живем в глобальной деревне... в одновременном хэппенинге».

Имеет ли смысл аллегория Платона с пещерой в этом новом медийном мире? Действительно ли мы утратили всякую возможность восприятия реальности, и имеет ли это значение? Такие вопросы уводят философию в будущее, но одно несомненно: мы больше не можем рассматривать себя отдельно от технологий.

По мнению новых мыслителей-«трансгуманистов», мы больше не живем в мире, где люди просто пользуются технологиями; машины являются частью нас самих и во все возрастающей

степени становятся продолжением наших тел – через них мы воспринимаем самих себя и окружающий мир.

Заключительное слово

Гегель имел необыкновенно широкий и непредвзятый взгляд на философию. В комментарии к его знаменитой *«Феноменологии духа»* традиционные философы рассматривают свою дисциплину как поле для соперничества, на котором может «победить» только одна система взглядов. Они относятся к философии как к полю боя, где сталкиваются позиции и идеологии. С другой стороны, Гегель смотрел на философию с высоты птичьего полета: каждая соперничающая система имеет свое место, и со временем их борьба будет способствовать «постепенному раскрытию истины».

Сформулировав эту мысль в ботанических терминах, он написал, что о почках забывают, когда они расцветают, а цветы, в свою очередь, уступают место плодам, которые раскрывают истину, или предназначение дерева. Целью Гегеля было освобождение философии от однобокости и представление истины в целом. Лучше рассматривать богатство и разнообразие культуры и философии как один великий проект.

В трактате *«О небосводе»* теолог и философ Фома Аквинский написал:

«Изучение философии имеет целью знать не то, о чем думают люди, а истинное устройство вещей».

Это и наша цель, но знание того, о чем думают люди, все равно может помочь нам. Если вы не придерживаетесь твердых взглядов на жизнь, то на страницах этой книги вы найдете множество сильных идей и концепций, которые помогут вам увидеть вещи в новом свете или, что еще лучше, изменят ваше нынешнее мировоззрение.

Поиск определенности естествен для нас, но если существует какое-то абсолютное знание, наши вопросы и сомнения не могут изменить или отменить его. Таким образом, изучая великие философские труды, вы ничего не теряете, но можете приобрести многое.

50 великих книг по философии

Состояние человека 1958

«Своими словами и поступками мы приобщаем себя к миру людей. Это приобщение похоже на второе рождение, которым мы подтверждаем непреложный факт нашего появления на свет. Оно... начинается с нашего прихода в мир и с того времени, когда мы реагируем на что-то новое по собственной инициативе».

«Задача и потенциальное величие смертных людей заключается в их способности создавать вещи – слова, поступки и творения, – которые заслуживают бытия и по меньшей мере до некоторой степени соотносятся с вечностью».

В двух словах

Неожиданные поступки заложены в природе человека, и каждое новое рождение приносит возможность изменить мир.

В схожем ключе

Анри Бергсон. *Творческая эволюция* (стр. 108)

Мартин Хайдеггер. *Бытие и время* (стр. 232)

Глава 1 Ханна Арендт

Ханна Арендт, родившаяся в Германии, была одним из ведущих американских интеллектуалов XX века и приобрела известность своим исследованием о Гитлере и Сталине *«Истоки тоталитаризма»* (1951), а потом прославилась книгой *«Эйхман в Иерусалиме»* (1962), исследованием суда над нацистом Адольфом Эйхманом, включавшим ее концепцию «банальности зла».

Книга *«Состояние человека»*¹ лучше всего представляет ее общие философские взгляды. Хотя это научная работа, часто непростая для понимания (Арендт была специалистом по античной Греции и Риму), она очень оригинальна. Ее можно изучать как сочинение в области политической философии, но в ней также присутствует воодушевляющая теория о возможностях человека.

Чудо рождения и действия

По словам Арендт, природа имеет циклический характер и представляет собой нескончаемый, непреодолимый процесс жизни и умирания, который «предвещает лишь роковую участь» всем смертным существам. Однако людям был дан выход из этой ситуации благодаря способности к *действию*. Свободное действие вмешивается в принцип неизбежной смерти и вносит что-то новое. *«Хотя люди должны умереть, они рождаются не для того, чтобы умирать, а для того, чтобы начинать новые дела».*

¹ На русском языке книга выходила под названием «Vita activa, или О деятельной жизни». – Здесь и далее прим. перев.

Это ее концепция «рождения в мире», вдохновленная знаменитой сентенцией Блаженного Августина «Начало было положено, человек был создан». Арендт пишет:

«Природа начала состоит в том, что появляется нечто новое, чего нельзя было ожидать от всего, что происходило раньше... Новое всегда возникает вопреки законам статистики и их вероятностным оценкам, которые для всех обычных и повседневных целей граничат с определенностью; таким образом, новое всегда появляется как чудо. Тот факт, что человек может действовать, означает, что от него следует ожидать неожиданного и что он может совершать невероятные вещи. Опять-таки, это возможно лишь потому, что каждый человек уникален, поэтому каждое рождение приносит в мир что-то неповторимо новое».

Рождение – само по себе чудо, но настоящее величие заключается в том, как мы подтверждаем свою личность словами и поступками. В то время как животные могут вести себя лишь в соответствии с запрограммированными побуждениями и инстинктом выживания, люди могут *действовать*, выходить за пределы своих биологических потребностей и создавать новые вещи, ценность которых получает общественное признание.

Подобно Сократу, который добровольно выпил яд цикуты, или человеку, отдающему жизнь ради другого человека, мы даже можем действовать вопреки инстинкту выживания.

Благодаря способности принимать *действительно свободные решения* наши поступки никогда не бывают вполне предсказуемыми. По словам Арендт, «действие, рассматриваемое с точки зрения автоматических процессов, которые как будто определяют ход событий в мире, кажется чудом». Наша жизнь – это «бесконечная невероятность, которая происходит регулярно».

В других своих сочинениях она предполагает, что сущность фашистских режимов заключена в отрицании «рождения в мире» или возможности совершать что-то новое, и это делает их отвратительными.

Способность прощать и выполнение обещаний

Арендт напоминает о сосредоточенности Иисуса из Назарета на действии, особенно на акте прощения, как о важной исторической вехе, так как это дало нам, а не только Богу, власть аннулировать прошлые поступки. Эту силу, способную преобразовать мировые события, Христос вывел на уровень физических чудес. Арендт пишет:

«Лишь благодаря постоянному взаимному освобождению от своих ограничений люди остаются независимыми; лишь благодаря постоянной готовности изменять свое мнение и начинать сначала они получают огромную силу начинать что-то новое».

В то время как желание отомстить является автоматическим и, таким образом, предсказуемым; акт прощения, внешне противоречащий естественной реакции, нельзя предсказать заранее. Прощение обладает свойствами реального, обдуманного действия, и в этом отношении оно более человечно, чем анималистическая жажда возмездия, так как *освобождает* и прощающего и прощенного. Действие такого рода – единственное, что не дает человеческой жизни промелькнуть от рождения до смерти без какого-либо реального смысла.

Арендт согласна с Ницше в том, что способность давать обещания и выполнять их тоже отличает людей от других животных. Наша ненадежность – это цена, которую мы платим за свободу, но мы придумали способы выполнять обещания – от норм и традиций до юридических контрактов.

Акты прощения и выполнения обещаний искупают человечество и поднимают нас на новый уровень. Они также являются творческими действиями, подтверждающими нашу уни-

кальность. В проявлении этих действий «никто не является таким же, как все остальные, кто когда-либо жил, живет или будет жить».

Труд, работа и действие

Арендт определяет три основных рода человеческих занятий – труд, работа и действие.

Труд – это жизнь, рост и повседневный распад, который испытывают все живые существа; в целом, это сам процесс жизни. «Труд человека – это сама жизнь», – говорит она.

Работа – это неестественная деятельность, которую люди выполняют в мире повседневных явлений и которая может превзойти или пережить этот мир, создавая «стержень прочности и постоянства в жизненной тщете и мимолетности человеческого бытия».

Действие – это единственное занятие, которое не требует вещей или вещества, поэтому оно представляет суть человечности. Действие тоже превосходит мир повседневных явлений, поскольку «люди, а не Человек живут на земле и населяют мир». Под этим Арендт имеет в виду, что люди – это общественные и политические существа, которые стремятся совершать поступки, признаваемые другими людьми.

Повторное открытие человеческого величия

По словам Арендт, в Древней Греции и Риме имело значение то, что люди делали на общественной сцене. Жизнь и перспективы бедняков и людей, лишенных политических прав (включая женщин и рабов), были ограничены пределами дома; эта частная жизнь, какими бы ни были ее преимущества, не оказывала никакого влияния на общество.

С другой стороны, люди со средствами, свободные от необходимости трудиться ради выживания или от ежедневных домашних обязанностей, могли быть действующими лицами на общественной сцене и совершать поступки, направленные во благо общества в целом.

В наше время, говорит Арендт, именно домашняя жизнь переместилась в центр внимания, и мы превратились в потребителей, мало интересующихся политикой. Мы ищем счастья, забывая о своем праве совершать поступки, которые могут изменить мир и пойти на пользу многим людям.

Древнее стремление к величию кажется чуждым и даже отвратительным для нас, но, возвращаясь к жизни простых домовладельцев, мы отказываемся от возможности иметь действительно независимый образ жизни (то, что она называет *vita activa*):

«Различие между человеком и животным проходит через сам человеческий вид: только лучшие (aristoi), которые постоянно доказывают свое право быть лучшими и «предпочитают бессмертную славу смертной жизни», являются истинными людьми; все остальные, кто довольствуется простыми радостями природы, живут и умирают как животные».

Наше величие проявляется в любви

Люди могут знать все необходимое о мире вещей, но никак не могут познать себя («перепрыгнуть через свою тень», по выражению Арендт). То, *что* мы есть, – это наше тело, говорит она. Но то, *кто* мы есть, раскрывается через наши слова и поступки.

Мы узнаем человека не по настроенности за или против него, а просто находясь в его обществе. Со временем всегда становится ясно, *кем* является тот или иной человек. Таким образом, люди живут вместе не просто ради эмоциональной или материальной поддержки, а ради чистого удовольствия видеть, как другие люди проявляют свой характер. Нам больше

всего интересен не поступок как таковой, а тот, кто его совершает. Высочайшее проявление человеческой личности мы называем триумфом.

Однако мы можем никогда не узнать, кем мы являемся на самом деле. В полной мере это могут оценить лишь другие люди.

«Любови, в крайне редких среди человечества случаях, когда она действительно случается, свойственна такая несравненная сила самораскрытия и такая несравненная зоркость на «кто» самораскрывающейся личности, что она поражена слепотой в отношении всего, чем любимая личность может обладать в смысле достоинств, талантов и недостатков, или что она может показать в смысле достижений и промахов...

В страсти, с какой любовь схватывает лишь «кто» другого человека, то срединное пространство мира, через которое мы связаны с другими и одновременно от них отделены, словно расплавляется в огне».

Способность к действию дает всей нашей жизни новое начало и наполняет нас надеждой и верой. Но при чем тут вера? Поскольку мы имеем основополагающее знание, что люди могут действовать и изменять свою жизнь, то должны иметь веру в людей, которых мы любим, и в человечество в целом.

Замечательный парадокс, с которым Арендт оставляет нас, состоит в том, что лишь через любовь (которая по своей природе интимна, духовна и аполитична) мы получаем толчок к реальным действиям в общественной жизни.

Заключительные комментарии

За последние тридцать лет биологи и социологи пришли к выводу, что людей в гораздо большей степени, чем это считалось раньше, формирует структура их мозга, генетическое наследие и окружающая среда. Этот вывод как будто проливает ведро холодной воды на теории Арендт о действиях и решениях.

Однако с исторической точки зрения, представляющей сумму миллионов индивидуальных решений, было бы неправильно считать (как это делали Гегель и Маркс), что история человечества подразумевает определенную неизбежность. Скорее, как указал Мартин Хайдеггер, сильно повлиявший на взгляды Арендт, значение имеет отдельная личность.

Для Ханны Арендт история – это хроника превзойденных ожиданий. Люди делают поразительные вещи, которые они даже не всегда ожидают от себя.

На последних страницах *«Состояния человека»* Арендт признает, что «общество служащих»², в которое мы превратились, позволяет людям отказываться от своей индивидуальности и становиться обычными «функциями», вместо того чтобы брать на себя труд жить, думать и действовать самостоятельно. Они становятся пассивным отражением окружающей среды, высокоразвитыми животными, а не настоящими людьми, принимающими осознанные решения.

Для Арендт величие состоит в осознании того, что вы не просто животное с различными импульсами выживания и не обычный потребитель, имеющий «вкусы» и «предпочтения». Ваше рождение поистине было новым началом, приходом в мир чего-то такого, чего раньше никогда не было.

Может понадобиться время, чтобы уловить различие, которое Арендт проводит между трудом, работой и действием; иногда это становится ясным лишь после второго или тре-

² Арендт, безусловно, имеет в виду то, что сейчас называется офисным планктоном.

тьего прочтения. Тем не менее благодаря вере в человеческие поступки и свободу воли книга «Состояние человека» является очень жизнеутверждающим произведением.

Ханна Арендт

Арендт, родившаяся в Ганновере (Германия) в 1906 году, выросла в еврейской семье в Кенигсберге. Ее отец умер от сумасшествия, развившегося в результате сифилиса, когда ей исполнилось семь лет, но она была очень близка к матери, активному члену немецкой социал-демократической партии.

По окончании школы Арендт изучала теологию в Марбургском университете, где одним из ее лекторов был Мартин Хайдеггер. У них случился роман (Хайдеггер был женат). Потом Арендт перешла в Гейдельбергский университет. Под руководством своего наставника, философа Карла Ясперса, она подготовила диссертацию о концепции любви в богословском учении Святого Августина.

Арендт вышла замуж в 1930 году. Когда к власти пришла нацистская партия, она больше не могла преподавать в немецких университетах, увлеклась политикой сионизма и с 1933 года работала в Германской сионистской организации. Гестапо арестовало ее, но она бежала в Париж, где стала работать в другой организации, помогавшей спасать детей из Австрии и Чехословакии.

После развода с первым мужем в 1940 году она вышла замуж за Генриха Блюхера, но спустя несколько месяцев супруги были интернированы в одном из немецких лагерей в Южной Франции. Им удалось бежать и попасть в США. Арендт получила американское гражданство в 1951 году. В 1950-х годах она вращалась в интеллектуальных кругах Нью-Йорка, где познакомилась с Марией Маккарти, работала редактором и писала книгу «Истоки тотализма».

Арендт стала первой женщиной – профессором политологии в Принстонском университете, а также преподавала в Чикагском университете, университете Уэсли и Новой школе социологии в Нью-Йорке. Она умерла в 1976 году.

Первые два тома ее автобиографической книги «Жизнь разума» (1978) и лекции о философии Канта (1982) были опубликованы посмертно. Хорошая биография Арендт, написанная Элизабет Янг-Брюэль, называется «Ханна Арендт: Ради любви к миру» (1982).

Никомахова этика

IV век до н. э

«Мы становимся строителями, когда строим дома, и становимся арфистами, когда играем на арфе. Сходным образом мы становимся справедливыми людьми, совершая праведные поступки, становимся воздержанными, совершая благоразумные поступки, и становимся храбрыми, совершая доблестные поступки».

«Подобно тому как на олимпийских состязаниях венки получают не самые красивые и сильные, а участники состязаний (ибо среди них находятся победители), так и в жизни прекрасного и благого достигают те, кто совершает правильные поступки».

В двух словах

Счастье происходит от проявления того, что мы осознанно считаем благом для нас в долгосрочной перспективе. Счастье – это не удовольствие, а побочный продукт осмысленной жизни.

В схожем ключе

Ханна Арендт. *Состояние человека* (стр. 36)

Эпикур. *Письма* (стр. 184)

Платон. *Республика* (стр. 416)

Бертран Рассел. *Завоевание счастья* (стр. 458)

Глава 2

Аристотель

Авторитет Аристотеля в целом ряде дисциплин, от физики до психологии и биологии, был так велик, что в Средние века его называли просто *Философом*. Данте называл его *хозяйном знания*. Аристотель оказал мощное влияние на Фому Аквинского и мусульманских философов, таких как Аверроэс.

Усердие Аристотеля и его неустанный труд по классификации всех видов знаний определяли развитие научной и философской мысли на протяжении двух тысяч лет и легли в основу рационального отношения к миру, отражающего суть западной цивилизации.

Часто утверждается, что историю философии можно разделить между сторонниками Платона и сторонниками Аристотеля. Если Платон верил, что все, воспринимаемое нами в физическом мире, имеет скрытую метафизическую реальность, а истина находится за пределами мира явлений, то его ученик Аристотель был гораздо более прагматичным философом и интересовался миром, который мы видим вокруг себя.

После учебы у Платона в течение двадцати лет Аристотель утвердился во мнении, что *наше понимание неизбежно основано на пяти чувствах*. Его энергичный аналитический ум разделял вещи на составные части, включая такие расплывчатые понятия, как «счастье» и «добродетель».

Трактат *«Никомахова этика»*, посвященный сыну Никомаху, является лучшим проявлением нравственной философии Аристотеля. Его научные труды теперь представляют интерес главным образом для ученых, но *«Никомахова этика»* остается влиятельным сочинением, предлагающим рецепт добродетельной жизни, который до сих пор обсуждается и применяется на практике.

К примеру, его концепция *eudaimonia* («счастье» в вольном смысле слова) сформировала современную доктрину позитивной психологии. Хотя трактат был составлен из лекционных записей и поэтому кажется неполным и несколько рыхлым, его можно читать без особого труда.

В чем заключается наша функция?

В отличие от платоновской концепции *форм*, которая подразумевает глубинную реальность, скрытую от рационального ума, Аристотель пользуется термином *форма* лишь для определения порядка и структуры вещей. Для понимания объекта (будь то стул или человек) нужно знать его функцию.

К примеру, мы оцениваем лодку не как куски дерева, скрепленные определенным образом, но как средство для передвижения по воде.

Аристотелевский принцип «окончательной цели» гласит, что все в природе устроено с определенной целью. Дерево или человек могут процветать в определенных условиях, и они пользуются доступными средствами для этого.

Однако что мы можем сказать о функции человека? Она заключена не только в росте и физическом развитии, так как это уравнило бы нас с растениями, и не в зрении, слухе или обонянии, так как все это свойственно лошади или волу. По словам Аристотеля, нашей неповторимой особенностью является *способность действовать в соответствии с требованиями рассудка*.

Сущность вещи заключается в ее внутренней организации, и люди с их способностью организовывать свой разум и поступки уникальны по своей природе. Человека оценивают по добродетелям, которые он взращивает в себе, и по решениям, которые он принимает. Поэтому тот, кто строит свою жизнь в соответствии с высшими добродетелями, может достичь величия.

Мы не можем уловить сущность человека, рассматривая его как собрание миллиардов клеток. Только по оценке его добродетели, его мастерства или таланта, который он совершенствовал всю жизнь, мы можем понять его сущность, или функцию.

По словам Аристотеля, флейтист или скульптор достигает величия, если превосходно играет на флейте или создает прекрасные скульптуры. Успех зависит от *осуществления* своей функции.

Достижение счастья

Исходной точкой этической теории Аристотеля является счастье, так как он считает людей рациональными существами, принимающими решения, которые приводят к их конечному благу. Хотя термин *eudaimonia* часто переводится как «счастье», его также можно перевести как «хорошая работа», «успех» или «процветание».

Как у рациональных существ, наше счастье зависит от правильных решений. Мы выбираем лучшее для себя в долгосрочной перспективе, и если мы следуем по этому пути, то счастье приходит естественным образом, как побочный продукт нашей деятельности.

Нашей неповторимой особенностью является способность действовать в соответствии с требованиями рассудка.

Поскольку жизнь, посвященная бездумным удовольствиям, лишает нас возможности действовать рационально и целенаправленно, она не делает нас счастливыми. Самый добродетельный путь – тот, который приносит нам величайшее подлинное (а не преходящее) удовольствие. К примеру, удовольствие от чтения сентиментального романа или триллера не имеет большого смысла и не приносит удовлетворения, которое можно получить от чтения Льва Толстого.

Большинство людей ищут в жизни удовольствия, но Аристотель считает их не более чем «жвачными животными». Для того чтобы жить полноценной жизнью, мы должны вести себя с достоинством, постоянно совершенствоваться и развивать наше мастерство.

Подлинное счастье приходит со временем благодаря работе над собой. Одна ласточка не делает весны, и один теплый день не делает погоды, говорит Аристотель. Сходным образом один день или короткое время не делают нас блаженными или счастливыми. Аристотель называет само время «добрым подсказчиком и помощником», выявляющим наш собственный характер и природу окружающего мира.

Он говорит, что дружба тоже является частью полноценной жизни, так как она позволяет делиться мыслями и рассуждениями. С помощью обдуманных и конструктивных действий мы помогаем друзьям достигать их целей и при этом укрепляем собственные рациональные качества или свой характер. Это естественным образом делает нас счастливыми. Такой же принцип справедлив по отношению к общине или городу, в котором мы живем.

Наконец, Аристотель считает поиск знаний одним из главных, если не самым главным источником счастья, так как он позволяет нам в полной мере проявить нашу рациональную природу. Оценивая философские или научные истины и присоединяя их к своим знаниям, мы достигаем вершины человечности.

Аристотель приходит к обнадеживающему умозаключению, что счастье не предопределяется судьбой или богами, зато его можно достигнуть осознанной и добродетельной жизнью с помощью работы, мастерства и учебы.

«Мы становимся строителями, когда строим дома, и становимся арфистами, когда играем на арфе. Сходным образом мы становимся справедливыми людьми, совершая праведные поступки, становимся воздержанными, совершая благоразумные поступки, и становимся храбрыми, совершая доблестные поступки».

Иными словами, мы становимся успешными людьми в силу привычки.

Мы должны судить о жизни человека не по его подъемам и спадам, а по добродетелям, которые он проявляет в любой ситуации. Это подлинная мера успеха. Успешный и счастливый человек – тот, кто неустанно культивирует добродетельность и делает превратности судьбы не имеющими значения для себя. Постоянство, благородство и великодушие больше всего восхищают нас в человеке. «Поступая в соответствии со своими представлениями о добродетельности, мы достигаем счастья», – говорит Аристотель.

Действие и решение

Платон считал, что высокая оценка добродетельности сама по себе достаточна, чтобы сделать человека добродетельным. Но для Аристотеля добродетельная жизнь должна проявляться деятельным образом:

«Подобно тому как на олимпийских состязаниях венки получают не самые красивые и сильные, а участники состязаний (ибо среди них находятся победители), так и в жизни прекрасного и благого достигают те, кто совершает правильные поступки».

Он проводит различие между произвольным и непроизвольным действием. Маленькие дети и животные могут совершать произвольные действия, но не принимают настоящих *решений*, требующих участия рассудка или работы мысли. Поскольку взрослые способны принимать осознанные решения, надлежащее использование этой способности (например, выбор цели, требующий от нас ограничить свои естественные склонности) приводит нас к убеждению, что

мы живем правильно – как разумные существа, сосредоточенные на создании чего-то достойного.

Мы можем к чему-то стремиться, но для достижения цели нам нужно принимать решения о конкретных действиях. Сходным образом мы можем верить в определенные вещи, но только действие формирует наш характер. По словам Аристотеля, «невоздержанный» человек действует на основании своего аппетита и выбирает приятное для себя. С другой стороны, «воздержанный» человек «поступает наоборот, руководствуясь своим решением, а не аппетитом».

Аристотель также проводит интересную параллель между действием и работой. Конечным результатом работы является объект – вещь, существующая отдельно от нас, создание которой требует навыков или искусных манипуляций. Но правильное действие совершается ради себя самого и не обязательно находит конкретное воплощение.

Подлинное счастье приходит со временем благодаря работе над собой.

Одна ласточка не делает весны, и один теплый день не делает погоды.

В то время как работа приводит к изготовлению вещей, а мастерство обеспечивает их лучшее или худшее качество, поступок, в зависимости от его качества, делает самого человека лучше или хуже. Иными словами, действие как таковое можно считать более чистым и благородным, чем работу.

Хотя мнение Аристотеля о различии между поступком и работой было обусловлено его высоким положением в обществе, эта идея имеет современное продолжение. Как отметила Ханна Арентс в книге «Состояние человека», привычка считать себя «производителями» и «потребителями» принадлежит современной эпохе. Однако мы существуем не для того, чтобы производить товары, а для того, чтобы вносить свой вклад в наше общество.

Поэтому «Никомахова этика», на первый взгляд посвященная личной добродетели, имеет много разделов, где повествуется о дружбе и об обязанностях гражданина.

Заключительный комментарий

В наши дни у правительств вошла в моду забота о «национальном благополучии» вместо обычных экономических показателей. Государственные советники обращаются к идеям Аристотеля о добродетельной жизни и *eudaimonia* для проведения политики, которая может обеспечить наибольшее счастье для максимального количества людей. Это благородная задача. Тем не менее нам следует быть осторожными относительно советов и предписаний о достижении индивидуального счастья.

Как учил Аристотель, каждый человек имеет свой путь к правильной жизни, основанный на уникальном потенциале, который он может осуществить. Вместо того чтобы искать счастье в достижении цели как таковой, наша задача состоит в стремлении к наиболее осмысленной жизни, а счастье при этом придет естественным образом.

«Никомахову этику» Аристотеля часто критикуют за его замечание о том, что такие вещи, как деньги, семья и положение в обществе, вносят важный вклад в счастье человека. Однако его сосредоточенность на осмысленной жизни показывает, что человек не обязан иметь все эти вещи, чтобы быть довольным жизнью или радоваться ей. Если мы чувствуем, что выполняем свое *высшее предназначение*, трудно не быть счастливыми.

Аристотель

Аристотель, родившийся в македонском городе Стагира (нынешняя Северная Греция) в 384 году до н. э., был сыном личного врача царя Македонии. В семнадцать лет он приступил

к обучению в академии Платона в Афинах и оставался там до смерти своего учителя в 347 году до н. э.

Потом он совершил путешествие в Турцию и на греческий остров Лесбос, предпринимая исследования в тех областях, которые мы теперь называем морской биологией, ботаникой, зоологией, географией и геологией. Аристотель женился на Пифиаде, одной из учениц академии Платона, но имел сына Никомаха от своей наложницы, рабыни Герпиллии.

Во время жизни Аристотеля македонское царство под управлением Филиппа II и его сына Александра Великого было мощной державой, захватившей греческие города и персидское царство. Аристотель был наставником Александра и его близким советником до последних лет правления императора, но вышел из милости у его преемников из-за своего македонского происхождения. Он умер на острове Эвбея в возрасте 62 лет.

Две трети работ Аристотеля утрачено, но его наследие охватывает большое количество предметов, и он считался ведущим полиглотом своего времени. К важнейшим работам принадлежат «Метафизика», «Аналитика», «Об истолковании», «О душе», «Риторика» и «Большая этика».

Язык, истина и логика 1936

«Если я... скажу “красть деньги плохо”, то произнесу предложение, не имеющее фактического смысла, то есть оно не имеет предпосылки, которая может быть истинной или ложной. Это все равно как если бы я написал “Кража денег!!!”, где количество и толщина восклицательных знаков намекали бы на особый род морального неодобрения. Ясно, что здесь не сказано ничего, что могло бы быть истинным или ложным».

В двух словах

Метафизика, эстетика, этика и теология – бессмысленные предметы, так как в них не утверждается ничего, что можно было бы подтвердить.

В схожем ключе

Дэвид Юм. *Исследование о человеческом разумении* (стр. 250)

Сол Крипке. *Именование и необходимость* (стр. 302)

Карл Поппер. *Логика научного открытия* (стр. 428)

Людвиг Витгенштейн. *Философские исследования* (стр. 542)

Глава 3 А. Дж. Айер

После окончания Оксфордского университета в возрасте двадцати двух лет Альфред Айер совершил поездку в Австрию, где познакомился с «венским кружком» – группой физиков, математиков и философов, куда входили Мориц Шлик, Рудольф Карнап и Курт Гедель. Они работали над общей концепцией «логического позитивизма», согласно которому единственное реальное знание основано на фактах.

Группа, испытавшая сильное влияние сочинений Витгенштейна о языковом анализе и смысловых значениях, стремилась переосмыслить идею знания в контексте *принципа подтверждения* и оказала мощное влияние на философию XX века.

Благодаря *«Языку, истине и логике»* и другим сочинениям, Айер стал одним из главных представителей этих идей в Великобритании и Америке. Книга, которую он написал в возрасте двадцати пяти лет, прославилась своим откровенным и даже агрессивным разоблачением метафизических взглядов, но она также касалась вопросов этики, вероятности и языка.

Принцип подтверждения

Принцип подтверждения (или принцип верификации) Айера гласит, что предложение имеет смысл лишь в том случае, если существуют определенные обстоятельства, при которых мы как носители языка можем согласиться с его истинностью.

Истина в осмысленном предложении должна соответствовать возможной или наблюдаемой ситуации. К примеру, высказывание «На Марсе есть инопланетяне» имеет смысл, так как мы знаем, что потребуется для его подтверждения: прямое наблюдение или другие признаки инопланетной жизни на Марсе. Обратите внимание, что мы менее заинтересованы в том, является ли предложение истинным само по себе; нас больше интересует его осмысленность, то есть подтверждаемость.

Однако Айер допускает некоторое послабление и подчеркивает, что нам достаточно подтверждать лишь *возможно*, а не *определенно* истинные высказывания. Это потому, что есть много предположений, которые мы, даже после огромного количества наблюдений, можем подтвердить лишь как *возможно истинные*.

Самый распространенный пример такого предположения – это общее правило, такое как «любое соединение мышьяка ядовито». Мы считаем это осмысленным высказыванием, но из-за хорошо известной проблемы индукции его можно подтвердить лишь как «возможно истинное» с учетом растущего количества наблюдений. Никакой объем наблюдений не может подтвердить, что любое соединение мышьяка ядовито, так как мы не можем экстраполировать с более чем вероятной определенностью любой конкретный пример на общий случай.

Айер также выдвинул идею *эмотивизма*: утверждения, связанные с моралью, являются оценочными суждениями, которыми движет эмоциональное отношение говорящего. Поскольку их нельзя подтвердить никакими объективными нравственными «фактами» или опытом, они не имеют когнитивного значения и являются бессмысленными.

Например, когда кто-то говорит: «Мэри хороший человек», он не определяет какую-либо объективную истину или ситуацию, а просто выражает свои чувства по отношению к Мэри. Сходным образом, когда мы слышим утверждение «Война – это плохо», то, поскольку это не утверждение, которое можно убедительно доказать тем или иным образом, а личное мнение, оно практически не имеет значения. Как правило, слова больше говорят о том, кто их произносит, чем о «реальности».

Метафизика бессмысленна

Применяя к философии принцип верификации, Айер ставит под сомнение саму основу метафизики, эстетики, этики и теологии. Он рассматривает типичное предложение из книги по метафизике того времени, выбранное наугад из работы Ф.Г. Брэдли «*Облик и реальность*»: «Абсолют входит в понятие эволюции и прогресса, но сам по себе не способен на прогресс и эволюцию».

Айер настаивает, что не существует ситуации, в которой можно было бы наблюдать истинность этого предложения. Более того, что вообще могут означать слова Абсолют (чем бы он ни был) и «входит в понятие эволюции»? Если предложение имеет смысл лишь в том случае, когда оно в принципе поддается проверке, то не ясно, при каких обстоятельствах можно наблюдать истинность высказывания Брэдли, при условии что такие обстоятельства вообще существуют. Как можно сказать, что Абсолют развивается или не развивается? Исходя из предпосылки, что Брэдли наделяет эти слова их обычным смыслом, Айер приходит к выводу, что мы должны считать его утверждение бессмысленным.

Как правило, слова больше говорят о том, кто их произносит, чем о реальности.

Айера интересует фактическое значение. К примеру, фактическое значение слов «на улице дождь» заключается в том, что идет дождь, то есть содержит в себе именно такой смысл, который отсутствует в метафизических утверждениях. Это следует отделять от других оттенков смысла, которые может иметь предложение, таких как эмоциональное значение.

К примеру, в поэзии может отсутствовать фактический смысл, но нет причин отказываться от стихов, так как поэт не пытается утверждать, что его стихи нужно воспринимать как подлинное описание реальности. В стихах обычно ценится не буквальный, а эмоциональный смысл.

С другой стороны, метафизики часто настаивают, что рассуждения о таких абстрактных концепциях, как Абсолют, представляют правдивое описание реальности, в то время как на самом деле они лишены смысла.

Хотя Айер был атеистом, он отрицал, что кто-то может осмысленно говорить об атеизме. Говорить «Бога не существует» так же бессмысленно, как и говорить «Бог существует», поскольку ни то ни другое высказывание нельзя подтвердить.

Мысли Айера о «верификации» и значимых высказываниях основаны на его вере в натурализм, или в идею о том, что к философии нельзя относиться так же, как к естественным наукам, подвергающим тщательному анализу каждое утверждение об истине. Хотя он не надеялся развенчать метафизику в целом, он мог ограничить философов утверждениями, которые, по крайней мере, имеют смысл.

Заключительные комментарии

Обозначая границы человеческого знания, Айер в значительной степени был наследником Дэвида Юма, к которому он относился с почтением. Это обстоятельство в сочетании со скептическим мировоззрением логических позитивистов, влиянием языкового анализа Витгенштейна и уверенностью двадцатипятилетнего юноши сделало книгу *«Язык, истина и логика»* впечатляющим философским произведением.

Для читателей современной академической философии, которая исследует очень конкретные вопросы, масштаб этой книги производит освежающее впечатление. Лапидарность и отсутствие технических терминов делают книгу легкой для восприятия, и хотя многие отмечали, что она не вполне оригинальна, она по-прежнему является превосходным вступлением к изучению аналитической философии и логического позитивизма.

После успеха его книги Айера однажды спросили, что будет дальше. В своей обычной высокомерной манере он ответил: «Больше ничего не будет. Философия закончилась».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.